

Глава 01

Заметить террориста-смертника легко. Их выдает огромное количество очевидных признаков. Главный: они нервничают. Потому что по определению делают это в первый раз.

Израильская контрразведка составила руководство по данному вопросу, где указывается, на что следует обращать внимание. Они использовали прагматичные наблюдения и психологию, в результате чего на свет появился список характерных признаков террориста-смертника. Двадцать лет назад меня познакомил с ним капитан израильской армии, для которого этот список являлся настольной книгой. И стал таковой и для меня тоже, поскольку в то время я находился в трехнедельной командировке – по большей части в ярде от его плеча – в Иерусалиме, на Западном берегу Иордана, в Ливане, пару раз в Сирии и Иордании, в автобусах, магазинах или на заполненных пешеходами тротуарах. Я постоянно смотрел по сторонам и мысленно сверялся с тем самым списком.

Прошло двадцать лет, но я по-прежнему знаю его наизусть. И продолжаю внимательно смотреть по сторонам. Исключительно по привычке. От других парней я научился еще одной мантре: «Ты должен видеть не глядя и слышать не слушая. Чем ты внимательнее, тем дольше проживешь».

В списке двенадцать пунктов, если подозреваемый мужчина, и одиннадцать – если женщина. Разница заключается в свежевыбритом лице. Мужчины-смертники сбрасывают бороды, чтобы не выделяться в толпе и не вызвать подозрения. В результате у них более бледная кожа на подбородках, куда не попадали лучи солнца.

Но сейчас меня не интересовали гладко выбритые мужчины.

Я вспоминал список, состоящий из одиннадцати пунктов.

И смотрел на женщину.

Было два часа ночи, я ехал в поезде нью-йоркского метро, который следовал по шестому маршруту линии Лексингтон-авеню, направляясь в центр. Я сел на Бликер-стрит, на южном конце платформы, в вагон, где находилось всего пять человек. Вагоны метро кажутся маленькими и тесными, когда они переполнены людьми. Когда же они пустые,

возникает ощущение, будто вагоны огромные, необитаемые и похожи на пещеры. Ночью свет кажется ярче и пронзительнее, хотя днем горят те же самые лампы, других просто нет. Я удобно устроился на месте для двоих к северу от последней двери, со стороны полотна дороги. Остальные пятеро пассажиров сидели к югу от меня, на длинных скамьях, в профиль, боком, далеко друг от друга, и смотрели пустыми взглядами в широкий проход – трое слева и двое справа.

У вагона был номер 7622. Как-то раз я ехал по шестому маршруту и целых восемь остановок выслушивал безумца, рассуждавшего о поездах метро с энтузиазмом, с которым большинство мужчин говорят о спорте или женщинах. Так я узнал, что вагон номер 7622 является моделью P142A, самой новой в нью-йоркской подземке, и что их производит японская корпорация «Кавасаки» в городе Кобе, потом их доставляют сюда по морю, везут на грузовую станцию на Двести седьмой улице, ставят на рельсы, отгоняют на Сто восьмидесятую улицу и там тестируют. Мне стало известно, что вагон может пройти двести тысяч миль без серьезного ремонта. И что автоматизированная система оповещений выдает указания мужским голосом, а информацию – женским. Официально это объясняется случайностью, но на самом деле руководство транспортного хозяйства считает, что такое разделение необходимо с точки зрения психологии. Голоса принадлежат дикторам Блумбергского телевидения, но записаны задолго до того, как Майк^[1] стал мэром.

Мой собеседник сообщил мне, что в данный момент в нью-йоркском метро задействовано шестьсот вагонов P142A, что каждый из них в длину достигает немногим больше пятидесяти одного фута и в ширину чуть больше восьми. Обычный вагон без локомотива, вроде того, в котором мы тогда ехали и сейчас находился я, рассчитан максимум на сорок сидящих пассажиров и сто сорок восемь стоящих. Безумец, читавший мне лекцию, был на все сто процентов уверен в точности своих сведений. Я и сам видел, что сиденья в вагоне сделаны из голубого пластика цвета неба в конце лета или формы британских военно-воздушных сил, а панели на стенах – из фибергласа, защищенного от граффити. И не мог не обратить внимание на двойную строчку рекламных объявлений наверху, там, где стены переходили в потолок, и веселенькие плакатики, расхваливающие телевизионные шоу, языковые курсы, легкие способы получить

диплом об окончании высшего учебного заведения и, разумеется, невероятные возможности заработать много денег.

Кроме того, я заметил листовку полиции, которая советовала мне: «Если вы что-то увидите, не молчите».

Ближе всего ко мне находилась женщина-латиноамериканка, которая сидела по диагонали слева, перед первыми дверями, одна на скамье, предназначенной для восьми человек, но не посередине, а с краю. Она была миниатюрной, где-то между тридцатью и пятьюдесятью, и выглядела невероятно измученной. Еще мне показалось, что ей очень жарко. На запястье у нее висел выцветший мешок из супермаркета, и она смотрела в пустое пространство перед собой такими усталыми глазами, что вряд ли что-нибудь там видела.

На противоположной стороне, примерно в четырех футах^[2], расположился мужчина, который один занимал восьмиместную скамью. Судя по темным волосам и морщинистой коже, он родился на Балканах или на Черном море – жилистый, потрепанный тяжелой работой и погодой. Мужчина сидел, широко расставив ноги, опираясь на колени локтями и раскачиваясь в такт движению поезда, не спал, но находился в пограничном состоянии, похожем на анабиоз, когда время останавливается. Выглядел он лет на пятьдесят и был одет совсем не по возрасту – в мешковатые джинсы, доходившие до щиколоток, и слишком большую футболку НБА^[3] с именем неизвестного мне игрока.

Дальше, слева от меня, к югу от центральных дверей, неподвижно, с закрытыми глазами, сидела женщина, возможно, родом из Западной Африки. Ее черная кожа казалась пыльной и серой от утомления и искусственного света. Она была в ярком платье из батика, на голове повязан платок из той же ткани. Я считаю себя гражданином мира, а Нью-Йорк является его столицей, и я его довольно прилично знаю и понимаю так же, как британец чувствует Лондон, а француз – Париж. Я не слишком близко знаком с его привычками и законами, но мне не составило труда догадаться, что эти трое, едущие в такое позднее время по шестому маршруту на север с Бликер, работают уборщиками в офисах и возвращаются домой после вечерней смены в здании городского совета или в ресторанах Чайнатауна или Маленькой Италии. Скорее всего, они выйдут на станции «Хантс-Пойнт» в

Бронксе или доедут до «Пелхэм-Бэй», уже готовые лечь в постель, где их ждет короткий беспокойный сон перед новым длинным днем.

Четвертый и пятый пассажиры от них отличались.

Пятый, мужчина примерно моего возраста, сидел под углом в сорок пять градусов на двухместной скамейке, по диагонали и напротив меня, в дальнем конце вагона. Я отметил, что он одет довольно просто, но не дешево, в брюки из хлопчатобумажного твила^[4] и футболку поло. Он не спал и смотрел на что-то перед собой, но постоянно прищуривался и переводил взгляд на новую точку, как будто о чем-то думал или сохранял бдительность. Его глаза показались мне похожими на глаза профессионального игрока в бейсбол. Я увидел в них осторожную, расчетливую хитрость.

Но мое внимание привлекла пассажирка номер четыре.

«Если вы что-нибудь увидите, не молчите».

Она сидела по правой стороне, одна, на дальней длинной скамье, напротив и примерно посередине между усталой женщиной из Западной Африки и мужчиной с глазами игрока в бейсбол. Она была белой, лет сорока, совсем непривлекательной, с черными волосами, слишком равномерного цвета, чтобы быть натуральным, и аккуратной, но не модной стрижкой. Я отлично ее видел. Мужчина, который находился ближе всех ко мне, справа, по-прежнему опирался локтями на колени, и V-образное пространство между его склоненной спиной и стеной вагона оставалось пустым, если не считать леса стальных поручней.

Не идеальное поле обзора, но мне хватило, чтобы вспомнить список из одиннадцати пунктов. Он вспыхнул в моей памяти, точно вишенки в игровом автомате.

В соответствии с выводами израильской контрразведки я смотрел на террористку-смертницу.

Глава 02

Я тут же отбросил эту мысль, и вовсе не из-за расовой принадлежности женщины. Люди с белой кожей точно так же, как и все остальные, бывают безумными. Я посчитал свои подозрения безосновательными из-за тактического неправдоподобия. Время было выбрано неправильно. Нью-йоркское метро – отличная цель для террориста-смертника, шестой маршрут ничем не хуже любого другого и лучше многих, поскольку поезда делают остановку на Центральном вокзале. Но – в восемь утра или шесть вечера, когда в вагоне сидит сорок человек и еще сто сорок восемь стоит. Нужно всего лишь дождаться, когда двери откроются у заполненной пассажирами платформы, и нажать на кнопку. В результате: сто трупов, еще несколько сотен серьезно раненных, паника, разрушения, возможно, пожар, один из главных транспортных узлов закроется на несколько дней или недель, и, скорее всего, люди вообще перестанут ему доверять. Значительный успех с точки зрения тех, чьи представления о прекрасном нам непонятны.

Но не в два часа ночи. И не в вагоне, где едет всего шесть человек, а на платформах линии Центрального вокзала нет ничего, кроме дрейфующего мусора, пустых одноразовых стаканчиков и пары старых бомжей на скамейках.

Поезд остановился на «Астор-Плейс», двери с шипением открылись, но в вагон никто не вошел. И никто не вышел. Двери снова закрылись, взревели двигатели, и мы поехали дальше.

Строчки памятного списка у меня в голове оставались такими же ослепительно яркими.

Первое наблюдение особого ума не требовало: неподходящая одежда. Сейчас пояса с взрывчаткой усовершенствуются так же, как бейсбольные перчатки. Нужно взять кусок плотного полотна размером три на два фута, сложить его в длину – и вот вы уже держите в руках карман глубиной в фут. Оберните его вокруг пояса террориста и сшейте концы на спине. Молнии или застёжки не годятся, потому что смертник вполне может и передумать. Положите динамит в этот карман, подсоедините к нему провода, заполните все свободные

пространства гвоздями или подшипниками, надежно заделайте верхний край и добавьте простые лямки, чтобы они поддерживали вес. Очень эффективно, но громоздко. Спрятать такое сооружение можно только под объемной верхней одеждой, вроде толстой зимней парки. На Ближнем Востоке такие не носят, в Нью-Йорке же она выглядит нормально только три месяца в году.

Но дело происходило в сентябре, на улице стояла жара, как летом, и температура воздуха в метро была на десять градусов выше. Я был в футболке, но пассажирка номер четыре оделась в пуховик – черный, объемный, блестящий, широковатый – да еще застегнула его до самого подбородка.

«Если вы что-то увидите, не молчите».

Я перешел ко второму из одиннадцати пунктов списка, однако проверить его в тот момент не мог. Он звучит так: походка как у робота. Это наблюдение исключительно полезно на пропускном пункте, многолюдном рынке, перед церковью или мечетью, но не относится к подозреваемому, который сидит в общественном транспорте. Террористы-смертники двигаются как роботы вовсе не потому, что их переполняет экстаз от мысли о скором мученичестве; причина в том, что они несут на себе лишних сорок фунтов^[5] веса и грубые лямки впиваются им в плечи, оттягивая их. Кроме того, они все находятся под действием наркотиков. Привлекательность идеи мученичества тоже имеет свои пределы.

Как правило, террористы-смертники являются запуганными до полусмерти простачками, которые засовывают за щеку около десны кусочек пасты из опиума-сырца. Нам это известно, потому что пояса с динамитом взрываются с характерной ударной волной в форме пышки. Она поднимается вверх в долю наносекунды и начисто срывает с террориста голову. На самом деле последняя не так чтобы очень надежно прикреплена к телу и держится только за счет силы тяжести, а также кожи, мышц, сухожилий и связок. Однако эти довольно хрупкие биологические якоря не в состоянии противостоять силе мощного химического взрыва.

Мой израильский наставник говорил мне, что самый простой способ определить, что явилось причиной взрыва на открытом воздухе – террорист-смертник, бомба в машине или пакет со взрывчаткой, – это поискать в радиусе восьмидесяти или девяноста

футов оторванную человеческую голову, которая, скорее всего, окажется на удивление целой и неповрежденной, включая кусочек опиума за щекой.

Поезд остановился на «Юнион-сквер», но никто не вышел из нашего вагона и никто не вошел. Внутрь с платформы ворвался поток горячего воздуха и вступил в сражение с кондиционером. Потом двери снова закрылись, и поезд покатил дальше.

Пункты с третьего по шестой являются вариациями на тему субъективного восприятия: раздражительность, потливость, тик и нервозность. Хотя лично я считаю, что в данном случае человек может потеть не только от волнения, но и от перегрева. От неподходящей одежды и динамита. Динамит – это древесная масса, пропитанная нитроглицерином, в форме палочек размером с полицейскую дубинку. Древесная масса является хорошим проводником тепла, что и становится причиной перегрева. Однако раздражительность, тик и нервозность – очень важные показатели.

Эти люди переживают последние, причем весьма необычные мгновения своего существования на земле; они нервничают, боятся боли, их сознание затуманено наркотиками. Они иррациональны по определению. Кто-то из них верит всем сердцем, другие – лишь частично, а иные и вовсе не в силах представить себе рай и молочные реки с кисельными берегами, великолепные заливные луга и обещанных девственниц; их толкают на этот шаг идеологическое давление или надежды, которые на них возлагают товарищи или родные. И вдруг оказывается, что они зашли слишком далеко и пути назад нет. Одно дело – смелые выступления на тайных встречах, и совсем другое – действие. Отсюда паника и все ее признаки, хотя террористы-смертники и пытаются скрывать свой ужас.

Пассажирка номер четыре демонстрировала все это в лучшем виде. Как поезд неуклонно приближается к конечной станции, так и она двигалась к финалу своей жизни.

Что подтвердил седьмой пункт инструкции: дыхание.

Она дышала часто и делала глубокие вдохи, которые пыталась контролировать. Вдох, выдох, вдох, выдох. Совсем как техника во время родов, направленная на то, чтобы справиться с болью, либо как результат страшного потрясения или последний отчаянный барьер, помогающий не закричать от ужаса.

Вдох, выдох, вдох, выдох.

Пункт номер восемь: террористы-смертники, собирающиеся себя подорвать, всегда смотрят прямо перед собой. Никто не знает, по какой причине, но это уверенно подтверждают видеозаписи и выжившие свидетели. Возможно, наступает момент, когда террорист подходит к мертвой точке и за дело берется страх. Или, как дети и собаки, они думают, что если они никого не видят, то их тоже никто не видит. А может быть, в них просыпаются остатки совести и они просто не могут заставить себя встретиться глазами с людьми, которых собираются уничтожить. Никто не знает, почему это происходит, но все до одного смертники так делают.

Пассажирка номер четыре именно так себя и вела. Она смотрела на черное окно, расположенное через проход, так напряженно, что могла прожечь взглядом в стекле дыру.

Пункты с первого по восьмой – это проверка. Я поерзал на своем месте, чуть наклонившись вперед.

И замер. Вся идея с тактической точки зрения была совершенно абсурдной. Время выбрано неправильно.

Потом я еще раз посмотрел на женщину и снова сменил положение, потому что пункты девять, десять и одиннадцать имелись в наличии и не вызывали сомнений, а они самые важные.

Глава 03

Пункт номер восемь: молитва шепотом. До сих пор все известные теракты вдохновляла, мотивировала, обосновывала и контролировала религия, почти всегда исключительно ислам, а те, кто его исповедуют, привыкли молиться на публике. Выжившие свидетели рассказывают, что у террористов шевелились губы и что они бесконечно, по кругу и относительно невнятно повторяли какие-то длинные стереотипные формулы.

Пассажирка номер четыре ровно это и делала. Она смотрела в одну точку, и у нее шевелились губы. Не вызывало ни малейших сомнений, что она, задыхаясь, произносила длинный ритуальный речитатив, как мне показалось, повторявшийся примерно каждые двадцать секунд. Возможно, она рассказывала о себе божеству – уж не знаю какому, – которого рассчитывала встретить по другую сторону черты. Или пыталась убедить себя в том, что божество и черта действительно существуют.

Поезд остановился на Двадцать третьей улице, двери открылись, но никто не вошел в вагон и никто не вышел. Я заметил над платформой указатели: Двадцать вторая улица и Парк – северо-восточный угол; Двадцать третья и Парк – юго-восточный угол. Непримечательные районы Манхэттена, которые неожиданно показались мне невероятно привлекательными.

Я пошевелился на своем месте, но двери закрылись, и поезд поехал дальше.

Пункт номер десять: большая сумка.

Динамит – очень надежная штука, если он свежий, и никогда не взрывается случайно. Для этого необходим детонатор, который при помощи специального провода подключен к источнику питания и рубильнику. Здоровенные взрыватели в старых вестернах сочетали в себе и то и другое. Первая часть поворота рукояти запускала генератор, как полевой телефон, после чего срабатывал рубильник. Не слишком практично для портативного использования, следовательно, требуется аккумулятор. Чтобы привести в действие целый ярд^[6] взрывчатки, нужно достаточно высокое напряжение. Крошечные батарейки АА

дают всего полтора вольты. Даже по самым приблизительным расчетам этого мало. Батарейка в девять вольт лучше, но для хорошего взрыва надежнее иметь прямоугольный аккумулятор размером с консервную банку, какие продаются для мощных фонарей. Однако он слишком большой и тяжелый, чтобы спрятать его в кармане, поэтому нужна сумка. Аккумулятор лежит на дне сумки, соединенный с рубильником проводами, выходящими через незаметный разрез в задней части сумки и поднимающимися вверх под объемную верхнюю одежду.

Пассажирка номер четыре имела при себе современную сумку на длинном ремне, с какими ходят почтальоны, надетую так, что ремень проходил перед одним плечом и позади другого, а сама сумка лежала на коленях. Судя по тому, как просела жесткая ткань, внутри находился только один, но довольно тяжелый предмет.

Поезд остановился на Двадцать восьмой улице, двери открылись, но никто не вышел и никто не вошел. Двери закрылись, и мы поехали дальше.

Одиннадцатый пункт гласит: руки внутри сумки.

Двадцать лет назад этот пункт стал дополнением к первоначальным десяти. Но жизнь движется вперед. Сначала действие, затем реакция на него. Силы безопасности Израиля и некоторые отважные представители населения начали использовать новую тактику. Если кто-то вызывал у них подозрения, они не бросались бежать. На самом деле убегать совершенно бессмысленно. Человек все равно не в состоянии спастись бегством от шрапнели. Храбрец подскакивал и крепко обнимал подозреваемого, прижимая его руки к бокам, чтобы тот не смог нажать на кнопку. Таким способом удалось предотвратить несколько терактов и спасти множество жизней. Однако террористы умеют делать из происходящего выводы. Теперь их учат постоянно держать большой палец на кнопке, чтобы им никто не мог помешать. Кнопка находится в сумке рядом с аккумулятором. Так появился одиннадцатый пункт.

Пассажирка номер четыре держала руки внутри сумки. Клапан загнулся и выступал между ее запястьями.

Поезд остановился на Тридцать третьей улице. Дверь открылась, но никто не вышел. Одинокaя женщина на платформе поколебалась мгновение, потом сделала шаг вправо и вошла в соседний вагон. Я повернулся, заглянул в маленькое окошко у себя за головой и увидел,

что она села недалеко от меня. Нас разделяли две стальные стенки и пространство между ними, где находилась сцепка. Мне захотелось помахать ей рукой, чтобы она перешла в дальний конец вагона, потому что там у нее были шансы остаться в живых. Но я ничего такого не сделал. Во-первых, женщина не смотрела на меня, а во-вторых, она бы все равно меня проигнорировала. Я знаю Нью-Йорк. Дикая жестикуляция в ночных поездах метро ни у кого не вызывает доверия.

Двери не закрывались чуть дольше, чем обычно, и на одно безумное мгновение я подумал о том, чтобы попытаться вывести остальных пассажиров наружу. Но я даже не пошевелился. Получился бы настоящий цирк – удивление, непонимание, возможно, языковой барьер. Я не был уверен, что знаю, как будет по-испански «бомба». Может быть, «bomba»? Или это слово означает «лампочка»? Полоумный тип, что-то вопящий про лампочки, вряд ли сумеет кому-то помочь.

Нет, «лампочка» по-испански «bombilla», решил я.

Может быть.

Возможно.

«И, вне всякого сомнения, – размышлял я, – мне не известен ни один из балканских языков. Как, впрочем, и диалектов, распространенных в Западной Африке. Хотя вполне вероятно, что женщина в цветастом платье говорит по-французски, потому что кое-какие регионы в Западной Африке являются франкоязычными». А я знаю французский. «Une bombe. La femme la-bas a une bombe sous son manteau». У той женщины под пальто спрятана бомба. Женщина в цветастом платье может меня понять. Или каким-то другим способом догадается, что я имею в виду, и просто пойдет за нами.

Если вовремя проснется. Если откроет глаза.

В конце концов я остался сидеть на месте.

Двери закрылись.

И поезд покатил дальше.

Я не сводил глаз с пассажирки номер четыре, думая о том, что ее тонкий бледный палец касается спрятанной в сумке кнопки. Вероятно, устройство с кнопкой куплено в «РадиоШэк»^[7] за полтора доллара. Совершенно невинная деталь, если речь идет о хобби. Я представил переплетение проводов, красных и черных, скрепленных между собой клейкой лентой. И толстый шнур детонатора, выходящий из сумки и

прячущийся под курткой, где он соединяет двенадцать или двадцать подрывных капсулей в длинную, смертоносную цепочку. Электричество движется со скоростью, близкой к скорости света. А динамит – невероятно мощная взрывчатка. В замкнутом пространстве, вроде вагона метро, одно лишь давление размажет нас всех по стенам. Гвозди и подшипники будут совершенно лишними. Вроде пуль против мороженого. От нас почти ничего не останется. Разве что стремечко или наковальня в среднем ухе. Это самые мелкие косточки в человеческом теле, следовательно, существует статистическая вероятность, что облако шрапнели их не затронет.

Я смотрел на женщину, понимая, что у меня нет ни единого шанса к ней подойти. Я находился в тридцати футах от нее, и она держала палец на кнопке. Дешевые латунные контакты, вероятно, расположены на расстоянии одной восьмой дюйма друг от друга, и этот крошечный промежуток слегка сокращается и увеличивается в такт биению ее сердца; к тому же у нее наверняка дрожит рука.

Она была готова умереть, а я – нет.

Поезд катил вперед в сопровождении характерной симфонии звуков – воя встречного ветра в тоннеле, грохота и стука расширителей под железными бандажами колес, скрежета бугелей, шума двигателей и повторяющегося визга колес вагонов, мчащихся друг за другом по рельсам подземки.

Куда она едет? Под чем проходит шестой маршрут? Может ли террорист-смертник взорвать целое здание? По моим представлениям, это невозможно. В таком случае где в два часа ночи можно найти большое скопление людей? Таких мест совсем немного. Например, ночные клубы, но мы уже проехали мимо большей части из них, да и в любом случае она не сумеет пройти мимо бархатной веревки ограждения.

Я смотрел на нее.

Слишком внимательно.

Она это почувствовала.

И повернула голову – медленно, плавно, словно движение было заранее запрограммировано.

Взглянула на меня.

Наши глаза встретились.

И она переменилась в лице.

Она поняла, что я разгадал ее намерение.

Глава 04

Мы смотрели друг на друга почти целых десять секунд; потом я встал, постарался сохранить равновесие в движущемся поезде и сделал шаг вперед. Я не сомневался, что бомба прикончит меня с расстояния в тридцать футов, на котором я находился, и решил, что, если я окажусь к ней ближе, хуже уже не будет. Я прошел мимо латиноамериканки слева и мужчины в футболке НБА справа, затем миновал женщину из Западной Африки, сидевшую слева, – у той по-прежнему были закрыты глаза. Слегка покачиваясь, я перебирал поручни слева и справа, приближаясь к пассажирке номер четыре. Она не сводила с меня глаз, что-то бормотала, была напугана и задыхалась, но продолжала держать руки внутри сумки.

Я остановился в шести футах и сказал:

– Мне бы очень хотелось ошибиться насчет того, что происходит.

Она ничего не ответила, но ее губы продолжали шевелиться. Она что-то сделала внутри сумки из толстого черного брезента, и крупный предмет слегка сдвинулся в сторону.

– Я хочу взглянуть на ваши руки, – сказал я.

Женщина молчала.

– Я полицейский и могу вам помочь, – соврал я.

Она по-прежнему ничего не отвечала.

– Давайте поговорим, – предложил я ей.

Женщина продолжала молчать.

Я перестал держаться за поручни и опустил руки. Так я казался меньше и не таким пугающим – самый обычный мужчина. Я стоял не шевелясь, насколько это возможно в движущемся поезде, и ничего не делал. Да я ничего и не мог сделать, понимая, что ей потребуется доля секунды, чтобы нажать на кнопку; мне же – значительно больше, чтобы хоть что-то предпринять. Только вот вариантов у меня никаких не было.

Я мог попытаться схватить и вырвать сумку из рук женщины, но широкая лямка из плотного хлопка, вроде тех, из которых сделаны пожарные шланги, обхватила все ее тело. Прежде чем сумка поступила в продажу, ее хорошенько выстирали и обработали, чтобы она не

выглядела как новая вещь – так теперь частенько поступают, – но все равно осталась довольно прочной. Так что в результате я бы сдержнул женщину со скамьи и уронил на пол.

Впрочем, мне не удалось бы к ней близко подобраться – она успела бы нажать на кнопку прежде, чем я протянул бы руку.

Я мог попробовать дернуть сумку вверх, а другую руку засунуть за нее и вырвать из гнезда шнур детонатора. Но он наверняка был достаточно длинным, чтобы не сковывать движения, значит, мне пришлось бы поднять руку фута на два, прежде чем я встретил бы какое-то сопротивление. А к этому моменту она успела бы нажать на кнопку, просто от удивления.

Еще можно было ухватиться за куртку и оторвать какие-нибудь другие провода, но меня отделяла от них толстая прослойка гусиного пуха и скользкая нейлоновая ткань, и я бы не смог удержать ее в руке.

Никакой надежды.

Я мог попытаться вывести террористку из строя. Например, быстро и сильно ударить по голове, чтобы она потеряла сознание. Однако, несмотря на то что я все еще двигаюсь достаточно быстро, чтобы хорошенько замахнуться с расстояния в шесть футов, мне потребовалось бы почти полсекунды. А ей – всего лишь передвинуть подушечку пальца на восьмую часть дюйма.

Я не сомневался, что она меня опередит.

– Можно я сяду рядом с вами? – спросил я.

– Нет, не подходите ко мне, – ответила она бесцветным, невыразительным голосом, в котором я не услышал никакого явного акцента. Американский английский, но она могла быть родом откуда угодно.

С близкого расстояния она не показалась мне слишком возбужденной или безумной – всего лишь смилившейся с реальностью, печальной, напуганной и уставшей. Женщина смотрела на меня с таким же напряжением, с каким изучала окно напротив. У меня сложилось впечатление, что она в ясном уме и прекрасно осознает, что собирается сделать. Я чувствовал, что она меня внимательно разглядывает, и не мог позволить себе пошевелиться. Я вообще ничего не мог.

– Уже поздно, вам нужно подождать часа пик, – сказал я.

Она ничего мне не ответила.

– Еще шесть часов, – добавил я. – Тогда все получится гораздо лучше.

Ее руки зашевелились внутри сумки.

– Не сейчас, – сказал я.

Она молчала.

– Покажите мне одну руку. Всего одну, – попросил я. – Вам нет нужды держать внутри обе руки.

Поезд начал резко замедлять ход, меня отбросило назад, но я быстро сделал шаг вперед и потянулся, чтобы ухватиться за поручень под потолком. У меня были влажные ладони, а стальной поручень оказался раскаленным. «Центральный вокзал», – подумал я и ошибся. Я выглянул в окно, но вместо ярких огней и белой плитки увидел тусклое сияние синей лампочки. Мы остановились в тоннеле. Там либо шли ремонтные работы, либо машинист ждал сигнала семафора.

Я снова повернулся к женщине.

– Покажите мне одну руку, – повторил я.

Она продолжала молчать, только смотрела на мой живот. Когда я поднял руки, футболка задралась, и она увидела над поясом штанов шрам: выпуклую белую кожу с жесткими буграми и большими грубыми стежками, как на карикатурах. Я получил его давным-давно в Бейруте, когда взорвался грузовик с бомбой, начиненной шрапнелью. Тогда я находился в ста ярдах от места взрыва.

Сейчас же я стоял на девяносто восемь ярдов ближе к женщине, сидевшей на скамье.

Она не сводила глаз с моего живота. Большинство людей спрашивают, как я получил шрам, но я не хотел, чтобы она задала мне этот вопрос, потому что в мои планы не входило разговаривать про бомбы. По крайней мере, с ней.

– Покажите мне одну руку, – снова повторил я.

– Зачем? – спросила она.

– Вам не нужно держать там обе.

– В таком случае какая вам от этого будет польза?

– Не знаю, – признался я.

На самом деле я не имел ни малейшего представления о том, что делаю, поскольку никогда не был переговорщиком. Я просто разговаривал ради самого процесса. Что на самом деле совсем для меня не характерно. По большей части я довольно молчаливый

человек, и с точки зрения статистики трудно предположить, что я могу умереть на середине предложения.

Возможно, именно по этой причине я продолжал говорить.

Женщина пошевелила руками внутри сумки. Я заметил, как она переложила что-то в правую и медленно вытащила наружу левую – маленькую, с бледной кожей женщины среднего возраста, проступающими венами и сухожилиями и коротко подстриженными, самыми обычными ногтями. Я не увидел на ней колец – значит, она не была замужем или помолвлена. Женщина повернула руку ладонью вверх, чтобы показать, что та пуста. Кожа на ладони покраснела, потому что ей было жарко.

– Спасибо, – поблагодарил я ее.

Она положила руку ладонью вниз на скамью рядом с собой – и так и оставила ее там, словно та не имела к ней ни малейшего отношения. Впрочем, в этот момент так и было. Поезд остановился в темноте, я опустил руки, и моя футболка вернулась на место.

– А теперь покажите мне, что у вас в сумке, – сказал я.

– Зачем?

– Я просто хочу посмотреть, что бы это ни было.

Она ничего не ответила и не пошевелилась.

– Обещаю, я не стану пытаться отобрать у вас то, что вы там прячете. Я всего лишь посмотрю. Не сомневаюсь, что вы все и сами понимаете.

Поезд сдвинулся с места, медленно, плавно и без рывков, на небольшой скорости приближаясь к станции, до которой, по моим прикидкам, осталось около двухсот ярдов.

– Мне кажется, я, по меньшей мере, имею право посмотреть, что у вас там лежит, – проговорил я.

Женщина поморщилась, как будто не поняла меня.

– Не вижу причин, по которым вам это нужно, – ответила она.

– Не видите?

– Нет.

– Причина в том, что я здесь нахожусь. Кроме того, возможно, я сумею проверить, все ли там в порядке. На будущее. Потому что вы должны сделать это позже. Не сейчас.

– Вы сказали, что вы полицейский.

– Все в порядке, я могу вам помочь, – попытался успокоить ее я и оглянулся через плечо.

Поезд медленно подбирался к белому свету, сиявшему впереди. Я снова повернулся к женщине. Ее правая рука двигалась в сумке. Она сжала ее и одновременно медленно вытащила наружу.

Я не сводил с нее глаз. Сумка зацепилась за левое запястье, женщина левой рукой стряхнула ее, и я увидел правую руку.

Это был не аккумулятор, не провода, не кнопка и не взрыватель, а кое-что совсем другое.

Глава 05

Женщина держала в руке пистолет, который она направила на меня, в точку, расположенную в самом центре линии между пахом и пупком. Как раз в ту область, где находится много всего полезного — внутренние органы, позвоночник, кишечник, разные артерии и вены. Это был «Ругер Спид-Сикс», большой старый револьвер калибра.357 «магнум» с коротким четырехдюймовым дулом, способный проделать во мне дыру такого размера, что сквозь нее можно будет увидеть дневной свет.

Но в целом я чувствовал себя гораздо лучше, чем секунду назад. По многим причинам. Бомбы убивают много людей и сразу. Пистолеты делают это по очереди. Кроме того, в отличие от бомб, тот, кто собирается стрелять из пистолета, должен прицелиться. Полностью заряженный «Спид-Сикс» весит около двух фунтов, что довольно много для тонкого женского запястья. Во время выстрела около дула возникает обжигающая вспышка и бывает очень сильная отдача. Если бы пассажирка номер четыре пользовалась своим пистолетом раньше, она бы это знала и я бы увидел то, что опытные стрелки называют «маневры с револьвером». За долю секунды до того, как нажать на курок, она бы напрягла руку, закрыла глаза и отвернула голову в сторону.

У нее были все шансы промахнуться, несмотря на то что я стоял всего в шести футах. Как правило, выстрелы из пистолетов редко попадают в цель. Разве что в тире, где имеются наушники и защищены глаза, а также у вас полно времени, вы спокойны и ничто не зависит от вашего выстрела. Но в реальном мире человек с пистолетом в руке обычно охвачен паникой, ему страшно, его трясет, у него отчаянно колотится сердце, поэтому все зависит от везения — или невезения. Моего или ее.

Если она промахнется, у нее не будет шанса сделать еще один выстрел.

— Успокойтесь, — сказал я, просто чтобы не молчать.

Ее палец на спусковом крючке побелел от напряжения, но она пока что им не шевелила. «Спид-Сикс» — это револьвер двойного действия.

Первая половина движения спуска отводит назад боек и вращает барабан, вторая – опускает боек и производит выстрел. Сложная механика, которая требует времени. Немного, конечно, но тем не менее. Я смотрел на ее палец, чувствуя, что за нами наблюдает мужчина с глазами игрока в бейсбол, и понял, что спиной загораживаю обзор из дальнего конца вагона.

– Вы же ничего не имеете против меня лично, мисс. Мы с вами даже не знакомы. Так что опустите пистолет и давайте поговорим.

Женщина продолжала молчать. Возможно, что-то появилось у нее на лице, но я на него не смотрел. Я следил за ее пальцем, поскольку меня интересовал только он. А еще я сосредоточился на вибрации пола, дожидаясь, когда вагон остановится. Тот безумец, что помешался на поездах метро, рассказал мне, что каждый P142A весит тридцать пять тонн и может развить скорость, равную шестидесяти двум милям в час. Поэтому у них очень мощные тормоза. Слишком мощные для гладкого движения при низких скоростях. Значит, ровное скольжение невозможно. Они останавливаются резко и с громким скрежетом. И часто буксуют последние несколько ярдов на заблокированных колесах. Отсюда и характерный звук.

Я предположил, что то же самое будет и с нами, даже несмотря на невысокую скорость. Возможно, в некотором смысле как раз из-за нее. Револьвер представлял собой что-то вроде груза на конце маятника. Тонкая длинная рука и два фунта стали. Когда сработают тормоза, инерция толкнет ствол вперед и вверх. Этому учит закон движения Ньютона. Я приготовился сразиться с собственной инерцией, оттолкнуться от поручней и нырнуть вниз. Если «ругер» дернется всего на пять дюймов севернее, а я перемещусь на столько же южнее, мне удастся избежать пули.

Возможно, хватит и четырех дюймов. Или, безопасности ради, четырех с половиной.

– Где вы получили свой шрам? – спросила женщина.

Я не стал ей отвечать.

– В вас стреляли?

– Бомба, – сказал я.

Она сдвинула дуло налево от себя и направо от меня и теперь прицелилась в то место, где мой шрам прятался под футболкой.